

ЕКАТЕРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

ЕКАТЕРИНА РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

КАК СОЗДАВАЛСЯ ФОТОПРОЕКТ
Частная коллекция

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р62

В оформлении издания использованы фотоматериалы
из личного архива автора

Рождественская, Екатерина Робертовна.

Р62 Частная коллекция. Как создавался фотопроjekt / Екатерина Рождественская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Рождественская Екатерина. Книга о Роберте Рождественском и нашей семье).

ISBN 978-5-699-99149-5

Фотографы, как астрономы, наблюдают за звездами. Екатерина Рождественская двадцать лет смотрела, как восходят одни звезды, кометами пролетают другие, падают третьи. Артисты, музыканты, политики превращались в студии Кати совсем в других людей. Как ведут себя звезды перед объективом, как сделать ордена из бумаги, кого из Катиных моделей любят дальнобойщики, кто не против сняться обнаженным и много других подробностей проекта вы узнаете из книги «Частная коллекция. Как создавался фотопроjekt».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99149-5

© Рождественская Е., 2018
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2018

Предыстория

В конце прошлого века все и началось. А именно — в 1998-м, под самый Новый год. Ну, может, и не под самый, может, это мне сейчас так кажется. В том девяносто восьмом сентябре случился пожар, и вместе с домом сгорела вся моя прошлая жизнь. Я загрустила, хотя была безумно счастлива, что все остались живы. Первое время было тяжело привыкать к пустоте вокруг — в нашей семье обычно ничего не выбрасывали, а тут, на новой квартире, все стены голы, пустынные, взглядом не за что зацепиться. Кто знает, почему это было для меня так важно: то ли какой-то лишний ген накопительства портил общую семейную интеллигентную картину, то ли тяжелые советские годы вечного дефицита научили все держать при себе, обрастать сломанными ненужностями и вышедшими из моды тряпками, а потом завозить все на дачный чердак и хранить вечно. А в тот пожарный момент я одним махом лишилась всего материального.

Всего и сразу.

Подчистую.

Не стало любимых книжек, которые гуртом стояли на полках, многочисленных фотографий бабушек-прабабушек в рамках на стенах, старинной огромной лампы, которая висела над безбрежным резным обеденным столом, да и самого обеденного стола.

Закрыв дверь в прошлую жизнь, я открыла окно в новую.

Так бывает.

Отгоревав свое по сгоревшим вещам (не очень сильно, кстати, плакала только по фотографиям), я в поисках успокоения, часами медитируя над художественными альбомами у мамы на даче, придумала свой фотопроjekt, который назвала «Частная коллекция». И очень правильно назвала. Потом, когда проект набрал силу и стал

Надела очки – и уже почти похожа на портрет!

очень популярным, меня часто спрашивали, почему я не хочу снимать того или иного певца или актера. «А потому что это моя частная коллекция и это мое частное дело, кого снимать, а кого нет», — говорила я. И все сразу становилось на свои места.

Начинался проект безумно интересно, и этот интерес держался на недостижимом уровне многие годы, пока приходили уникальные люди.

Гурченко, Рязанов, Образцова, Чурикова, Аксенов, Любимов,

Азнавур, Гергиев, Фрейндлих, Третьяк и, как обычно в таких случаях едят, многие-многие другие. Хотя они были совсем не «многие-многие другие»! Это был цвет российской культуры и спорта, абсолютно неповторимые, безмерно талантливые и достойнейшие люди, наш генофонд, сливки общества, причем самой что ни на есть повышенной жирности. Гордость страны, одним словом.

Я сама себе завидовала каждый раз, когда шла на съемки.

А потом, лет, наверное, через пятнадцать-шестнадцать после начала проекта, году в 2015-м я заскучала.

Наступила сериальная эра. Заработала российская фабрика грез.

«Звезды» вспыхивали одна за другой, быстро, шумно, пафосно, с шипением и гарью, в течение каких-то недель-месяцев. Их рейтинги зашкаливали, райдеры поражали обилием странных пунктов, количество пришедшей с ними «обслуги» не вмещалось в студию (это их слово, не я придумала).

И самое обидное, я никого из этих скороспелых звезд не узнавала, когда они приходили на съемки. Я в принципе не смотрела се-

риалы, не имея возможности тратить на это время, поэтому ■ 7
не могла разделять слюнявые восторги по поводу вхождения
в студию той или иной совершенно неизвестной мне «мегазнамени-
тости». Но для журнала они были интересны, и съемки назначались.
Переговоры по поводу фотосессии велись долго и муторно, дирек-
тора хотели подчеркнуть сумасшедшую занятость подопечного, су-
етились, звонили-перезванивали, переносили встречу. И когда на-
конец всё срасталось, ошарашенное собственным величием, мод-
ное распиаренное существо входило к нам в студию. Оно обычно не
здоровалось – нечего тут, всё равно вокруг одна obsлyгa, со всеми
не наздороваяешься, и томно закрывалось в гримерке под востор-
женные всхлипы ея челяди.

За эту сериальную эру у меня сложился некий усредненный об-
раз звезды нового образца: молодой человек или девушка с са-
мым средним образованием и ниже среднего воспитанием, без
каких-либо выдающихся особенностей и способностей. Чуть-чуть
поет слабым голоском. Чуть-чуть декламирует. Все время худеет,
раздражается без повода и недоволен другими. Человек из толпы.
Просто обычный, но очень удачливый человек, если уж из много-
людия выбрали именно его.

А поскольку фотографировать я хотела людей удивительных
и удивляющих, особых и штучных, то переход на фабричное произ-
водство звезд широкого потребления совсем меня не устраивал. Я
и пригорюнилась. В общем, сначала я притормозила, а потом и вовсе
остановилась, поменяла сферу деятельности, стала писать. Устала
от общения, от людей (шутка ли – снять 6000 человек!), от вспышек,
которые повредили глаза, и от фотоаппарата, который заметно на-
качал правую руку. Зато получила 16 лет полного счастья и 2 года
удивления от работы – кто еще таким может похвастаться?!

В 2001-м я родила младшего сына, Даньку, а потом пошли пло-
диться и фотопроекты, неразрывно с ним, ребенком, связанные.
Сначала появился фотопроект «Сказки» (мы тогда читали ему всё

8 ■ подряд, и я решила посмотреть, как будут выглядеть наши знаменитости в образе Кикиморы или Кашея Бессмертного), потом «Мечты детства» (Данька начал фантазировать, кем станет, когда вырастет, а я стала выпрашивать у звезд, кем они хотели быть в детстве, чтобы быстро, за одну фотосессию, осуществить эту мечту на фотографии) и «Рождественские открытки» (постановочные фотографии детей на Рождество в стиле начала XX века).

Когда сын пошел в школу, появился проект «Классика» — у него началось изучение классической литературы, а я стала снимать всяких Гамлетов, Хлестаковых и прочих Остапов Бендеров. Проекты «Портрет Дориана Грея» (сугубо мужской) и «Моя прекрасная леди» (соответственно для женщин) — отвлечение от «Классики». Оба проекта-превращения: в одном молодой красавец становится ужасным стариком, в другом — простушка-замухрышка Лайза Дулиттл в изысканную даму.

Изучение школьной истории я отметила проектом «Века», где совершенно несочетаемые люди — мне казалось, что так интересней, — играли роли исторических персонажей. Евгений Петросян и Наташа Королева, Вениамин Смехов и Надежда Бабкина, Сергей Безруков и Оксана Пушкина, Макс Покровский и Екатерина Стриженова, Леонид Якубович и Лариса Голубкина, Алсу и Владислав Третьяк, Галина Волчек и Максим Галкин — мне нравилось экспериментировать.

Но это будет всё впереди, а пока я только начинала смотреть на мир через крохотное квадратное окошечко фотоаппарата.

Когда я была совсем мелкой, то фотографировала небо в Переделкине. Дядька, папин брат Иван, давал мне маленький фотоаппарат и разрешал щелкать. Я щелкала небо.

— Зачем? Ничего там нет. Только пленку переводишь...

А мне казалось, это так красиво — цвет, легкость, глубина, облака, воздух, объем, птица, случайно попавшая в кадр крылом, дале-

кая звезда, пусть днем невидимая, но ведь есть же она там, ■ 9
есть! Как дядька этого не понимал? И снова я снимала небо.

И снова он ворчал и отбирал фотоаппарат. Хотя видела и воображала я, конечно, намного больше того, что оказывалось потом на плоских черно-белых фотографиях переделкинского неба. И все равно фотоаппарат в детстве был направлен почему-то все время вверх, точно помню. Бегала с ним, как с ружьем наперевес, по участку, затаивалась у какого-нибудь толстого дерева, целилась, как снайпер, щелкала и перебегала, чуть согнувшись, к другой засаде.

Как подросла, заинтересовалась тем, что под ногами, небо почему-то перестало волновать. Цветочки, грибочки, жучки-бабочки – все это оказалось намного интереснее и материальнее неведомых и романтических высот. Тут себе волю дала. Появился свой фотоаппарат, и – держись, округа! – я снимала все, что двигалось, цвело, лежало, пылилось, смотрело, виляло хвостом, плавало в луже и росло на ветке! Брала количеством, короче. Как это было потом ужасно! Обрубленные тела стрекоз, не поместившиеся в кадр, расплывчатые собачьи морды, нерезкие силуэты грибов – по фотографии даже не скажешь, съедобный или поганый. И вечный вопрос – а зачем я это все снимаю, кому это вообще надо? Но палец все равно нажимал на курок, вернее, на кнопку, и вопрос этот до поры отходил на второй план, прямо как в фотографии, а потом и вовсе стал риторическим.

Но чтобы думать в юности о фотографии как о деле жизни? Да вы что! Врачом стать – с удовольствием! Поваром? Пожалуйста! Озеленителем? Лучше не придумай! На худой конец, журналистом. Вот набор профессий, о которых я серьезно тогда мечтала. И именно в такой последовательности.

В результате стала литературным переводчиком, риелтором, редактором и фотографом. Не одновременно, конечно, а в разные периоды жизни. И надо сказать, фотография – период самый пока интересный, долгий и яркий. Если не считать писательства.

А началось, как и положено в фотографии, с негатива.

Пожар

У нас сгорел дом. Вот так взял и сгорел. Дом, куда мы переехали, сдав московскую квартиру в 90-е, чтобы прожить, прокормиться и уехать от суеты, танков и горящего Белого дома. Перевезли все накопленное, нажитое и любимое – антикварную мебель, ценные гравюры и картины – часть большой родительской коллекции, отцовский архив, рукописи и шикарную библиотеку и всё остальное, включая изображения незнакомых мне предков и чуть потрескавшиеся фотографии любимых бабушек и прабабушек, совсем родных и теплых. Московскую квартиру бросили – пустую, гулкую, голую и выставившую напоказ все свои изъяны разом. Съехали, сдали, как город врагу, не жалея, даже радуясь – наконец будут свободные деньги на прокорм, вот хорошо! Все накопления были сожраны реформами начала 90-х, отцовские книги перестали издаваться, с работой у всех тогда было плохо, суетиться мы не умеем, поэтому жить особо было не на что. Но дом к тому времени был уже отстроен, простой бревенчатый сруб без выкрутасов и нуворишевских затейливых башенок. Дом и дом, двухэтажный, небольшой, ароматный. Даже сауну сделали, где я, за неимением другого места, разместила весь семейный гардероб. Дом обожала за то, что гвозди можно было забивать в любом месте – бревна же! Так и ходила первое время с молотком, вбивая гвозди по-мастерски, с одного удара, и вешая сразу или рамку с фотографией, картинку, или еще какую-то украшательную пустяковину.

Рядом со входом извела крапиву, которая привыкла веками хлестать всех, кто попадался на пути. Ветлу вывела, очень мусорное дерево, прихорошила дорожку, ведущую к родительскому дому, посадила розами и огурцами. Так и росли кусты парами – огурец растет рядом с розой, опирается на нее, цепляется за иголки, та цветет,

и все это шикарное сооружение дает прелестные цветы и пупырчатые корнишоны. Собаки обходили розы стороной, знали, что могут уколотся, да и огурцы не выкусывали, боялись язык поранить.

Вот так пару лет прожили мы в доме, обжили его, уютно было и спокойно – родители на этом же участке, десять шагов пройти, дети во дворе с собаками гуляют под взаимным присмотром, овощи-цветы растут, птички поют, электричка за забором бежит.

Так и жили в мире и согласии.

Однажды ушла я к маме чай попить, вдруг вижу – дымок слабый потянул из крыши. Нет, думаю, это сосед баню затопил – она у него как раз за забором стоит. Видимо, попариться решил в воскресенье. Разговариваем спокойно, чай пьем, а я одним глазом все-таки на дым смотрю. А он тянет и тянет, все сильнее и сильнее. Раньше прозрачной, чуть белесой струйкой еле заметно поднимался, а теперь окреп, посерел и обнаглел как-то.

– Димка! – крикнула я мужу, который только вышел из дома погулять. – Дым! Сильный дым из крыши! – Крикнула и побежала на всякий случай проверять детей.

12 ■ Детям тогда уже порядочно было – старшему 12, младшему

8. Один у компьютера в стрелялки играет, другой на кухне сооружает себе бутерброд. Все на месте, побежала смотреть, откуда дым. За забором оказалось все спокойно, баня спала. А вот наш дом... Из-под крыши рваными желтыми облаками вываливался дым. Там, где совсем недавно на чердаке проложили проводку. То ли гвоздем пробили, то ли еще что, не знаю. В общем, законтачило, искра пробежала, и пошло-поехало.

Муж забрался уже на чердак. Из-за дыма ничего видно не было. Гарь, сажа, дышать нечем. Огонь стал облизывать потолок. Напористый такой, голодный.

– Срочно шланг! – крикнул Димка.

Я побежала вниз, позвала детей, чтоб помогли. Они с удивлением начали разглядывать дымок, который бесшумно и очень живоенько полез из-под чердачной двери. Их глазки забежали и засветились нешуточным любопытством. А как же – дым в доме, да еще в таком количестве, – первый раз в жизни, интересно же! Может, еще и огонь появится... Любопытно! Я поняла, что детей

надо отправить в дом к маме, чтобы самой можно было по- ■ 13
мочь мужу. Отослала их. Сбегала за шлангом. Позвала се-
стру и маму. Размотали шланг, еле дотянули до дома, притащили
кое-как сбитую давным-давно и уже полусгнившую лестницу, при-
ставили к дому, к той части, откуда шел дым.

Дым крепчал и менял цвет в зависимости от того, что ел. Еще
несколько минут назад был совсем белым, полупрозрачным, впол-
не безобидным, как от мангала с шашлыком, и вот уже какой-то
химически-желтый, могучий, трещащий и с посвистом вырыва-
ющийся на волю, в кислород. И быстро все, очень быстро. Пока
бегали со шлангом, я решила посмотреть, что творится в доме.
Из входной двери уже шел дымок, и войти внутрь было довольно
страшно – инстинкт самосохранения работал четко. Плюнула я на
инстинкт и вбежала, закрыв нос кофтой. Услышала из кабинета
Лешкин кашель. Он пыхтел, пытаясь вытащить огромный компью-
тер с монитором. Тогда еще компьютеры были крупные и неподъ-
емные. Одному, конечно, было не под силу.

– Я ж вас отправила к Ляле! Как так можно! Где Митька? – крик-
нула я.

– Он наверху где-то, мам. Но без компьютера я не уйду, – по-
ставил мне ультиматум.

– Сначала найдем брата, потом помогу.

Мы, завязав носы, пошли сквозь дым, ставший уже довольно
плотным, на второй этаж.

– Митя! – позвала я.

– Мам, я тут, – сразу ответил младший из-под кровати.

– Ты что, решил тут переждать пожар? Очень умно. Идем-ка
скорей, вылезай!

– Ты думаешь, сюда огонь доберется? Папа же тушит... – пытал-
ся все мне объяснить сын.

– Вылезай! Можно ж задохнуться!

Я выдернула его за руку из-под кровати, и мы сбежали вниз.
Дышать становилось по-настоящему тяжело. Ни одного слова

14 ■ нельзя было сказать, не закашлявшись. Мы помогли Леше вытащить компьютер, и я снова сдала детей маме.

— Не выпускай их ни в коем случае, ладно? Привяжи, что ли, куда-нибудь или посади под замок!

И снова помчалась к дому. Пламя, красное, как нарисованное, с языками, уже вырывалось из-под крыши, шипя и подрагивая. Димка залез на полудохлую лестницу и, стоя на уровне второго этажа, поливал тонкой, еле писающей струйкой огонь. Струйка, не долетая до огня, превращалась в пар. Ясно было, что своими силами огонь потушить не удастся. Побежала звонить пожарным. Долго рассказывала, что и где. Пообещали, вызов приняли. Бросилась в дом, чтобы что-то вынести. Голова из последних сил отказывалась понимать и принимать ситуацию. Почему это дом должен сгореть, ведь мы его совсем недавно построили! Зачем спасать добро, мы же потушим огонь! Сейчас вот приедут пожарные и потушат! Какая-то психологическая пелена просто. Но я ее быстро сбросила, как что-то материальное, и начала сборы. Первым делом метнулась на второй этаж и выгребла из шкафа все мужние костюмы — ему ж завтра на работу! А вторым делом уже ничего не успела — стала кашлять и задыхаться, на втором этаже кислорода уже практически не было. Выбежала на воздух отдышаться. Вдруг с соседнего участка, легко перепрыгнув забор, выскочили, как лани, четверо коренастых мужичков и поскакали в дом. Все лето от соседей раздавались строительные звуки — то пилы, то молотков, то просто матерные переговоры о чем-то высоком — молдаване строили дом. Видимо, хозяйственные дядьки не смогли бездельно смотреть, как горит добро, пускай даже чужое, и приняли единственно правильное в таком случае решение.

— Хозяйка, чего выносить? — спросили на ходу.

— Что сможете...

Через несколько минут двое вытащили холодильник с продуктами — самое, видимо, дорогое с точки зрения строителей. И бросили

его, большого и белого, на зеленую траву посреди лужай- ■ 15
ки. Холодильник дернулся в агонии, дверца открылась, из
пакета полился на землю вчерашний недопитый кефир и, нехотя
переваливаясь, выкатилась по блату добытая докторская колбаса.
Молдаване снова ускакали в дом, я следом. Двое пыхтели в дыму
над огромным дубовым столом, пытаясь его протиснуть в дверной
проем, но это им не удавалось, и, бросив красавец стол, схватили
нелюбимое кожаное кресло и стулья. Я стояла посреди комнаты,
не понимая, за что хвататься самой. Подняла зачем-то с полу со-
сиски – недоеденный завтрак кого-то из детей, подумав очень во-
время, что опять за собой не убрали. Взяла какой-то цветочный
горшок, торшер и вынесла эти важные вещи во двор к холодильни-
ку. Сбегала посмотреть, как справляется муж. Муж не справлялся.
Огонь уже бушевал по всей крыше, сжирая несжираемое.

– Вынеси ружье, оно в сауне! – был отдан мне приказ. –
И больше не входи в дом, может газ рвануть!

Я забежала за ружьем, прихватив по дороге что-то еще совсем
неважное, и выставила все это у дома на веранде. Из двери уже
валил дым. Мужики, спотыкаясь и кашляя, выволакивали стулья
и кресла, успев вытащить даже тлеющий ковер. Постелили его на
газоне подальше от дома, сверху поставили кресло, стулья и тор-
шер, еще какой-то пуфик и лавку из прихожей. Всё. Пришли, не
спросясь, и так же молча ушли, не сказав ни слова, снова легко
перепрыгнув через забор и исчезнув в глубине соседского участ-
ка. Спасибо им за все большое. Тогда даже не сообразила побла-
годарить.

Мы открыли ворота в ожидании пожарных. Сразу набегали
какие-то люди, разные, незнакомые друг с другом, но объеди-
ненные любопытством и желанием поживиться хоть чем. Некото-
рые пытались заскочить в пылающий дом и урвать что-то, другие
довольствовались тем, что было в сарае, вынося оттуда лопаты
и грабли и убегая что есть силы за ворота с инструментом на-